

КОВА КРЭЙСИД GG.AFK.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кова Крэйсид

GG. AFK.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56411175

SelfPub; 2022

Аннотация

Не всем известно о том, что мечта это – цель.

Мы живем так, как нам разрешают жить. Мы хотим жить так, как мы хотим.

Каждый делает, что может, но "некоторые" делают, что не могут другие...

"Некоторые" не дают нам подняться выше без своего согласия...

"Некоторые" сложили пирамиду из человеческих взаимосвязей и установили свои правила подъема по ступеням к ее вершине. Люди не умеют летать, и вспорхнуть к своей мечте – невозможно. Жаль, но многие из тех грез, что реальны, редко, когда осуществимы. И только из-за того, что "некоторые" – жлобье.

Содержит нецензурную брань.

Кова Крэйсид

GG. AFK.

Reality is different.

Нас, нынешних, не интересуют, ни патология, ни семейная история, ни половая жизнь, ни пищеварение, ни сон героя; даже его духовная предыстория, его воспитание при помощи любимых занятий, любимого чтения и так далее, не представляют особой важности.

Герман Гессе : Игра в бисер

Часть первая

Everybody's fool

Глава первая.

Ordinary story.

Я достиг определенной стабильности. Есть жена, очень умная и красивая. Квартира поблизости от интересной работы. Чего рыпаться, да и куда? Копить на машину? На дачу? Или может переквалифицироваться, скажем, в менеджера или редактора? Мне, в принципе, интересна любая взаимосвязь с компьютером, только бы платили, но ведь это говорит о том, что кроме компьютера мне по сути ничего и не надо. Мне несколько стыдно из-за того, что приходится зарабатывать сидя на жопе, но на большее меня не хватает.

Я проснулся, когда жизнь начала жать на кошелек, и тогда же я научился отдавать себя – свое время и нервы. То, что человек делает за компьютером тяжело назвать пользой, по сравнению, например, с шахтерами или сельхозниками, но я пришел к выводу, что польза – это не всегда продукт. Интересно, сколько людей думает так же?

Может попробовать себя в роли влогера? Что я мог бы сказать миру? Кому я нужен...

Впрочем... Мне нужен мой смартфон. И удобное место. Снимает? Где там оно сохранилось? Да, снимает. Ладно, первый дубль.

– Всем приветы, меня зовут Володя Крэйсид и сегодня мне приспичило порассуждать на всякую разную, возможно даже обидную, херню. Первое, что приходит в голову – рассказать о себе. Мне тридцать лет, работаю в мультипликационной студии, рисую аниме и мангу, и мне это близко не только как художнику, но и как эмо. Перед тем как мне исполнилось семнадцать, и я узнал про движение эмо, я впал в кому, потеряв свою память, но, мне кажется, что я был эмо еще в утробе. Аффективная память иногда рисует невероятно красивые картины, но они проносятся мимо, как луч света, неожиданно появляясь и так же быстро исчезая. Словно какое-то прозрение... вот об этом поподробнее. Сейчас у меня как-раз такая вспышка, но я не знаю с чего начать. Значит- как... В Библии сказано, что Бог создал нас по подобию своему, однако человек вошел во грех и теперь чтобы

спастись нужно верить, молиться, и следовать правилам... Короче, ни одного намека на то, каким образом бог проявляет свое вселюбие, непонятно. Судить людей с изначально греховной сущностью какой-то садизм. По мне так, все знают, что когда-нибудь умрут и изошрятся как могут, чтобы не помнить об этом. Я прям слышу, как кто-то из зрителей говорит: "Ты оскорбляешь чувства верующих". А если я атеист, верующие не оскорбляют мои чувства, веря во всякую противоестественную галиматью? Нет, лично я не совсем атеист, но определенно для меня ни одна религия не выдерживает критики... А многим верующим, даже самым терпеливым, не может не прийти хоть раз в голову вопрос: "Почему в духовном мире все так сложно?" Есть у меня один друг, который смотрит на все предельно просто, он говорит, что разница между материальным и духовным заключена в обманчивом разграничении понятия богатство. Помните вот это: "Нас ебут, а мы крепчаем?" Он, как человек сидевший, завершил эту схему: мы крепчаем, срываемся, садимся, выходим, снова чувствуем наебалово, и те, кто не продолжает крепчать, либо сходят с ума, либо накладывают на себя руки. И вправду, что делать если знаешь цену своей жизни? В которой за бутылку водки могут убить, а выбить бабла из жидовской верхушки можно только с помощью очень деликатного жополизства. В нашей жизни нам хотя бы тело свое сберечь лет до семидесяти, а тут еще и о душе нужно думать согласно какой-то замороженной методике. А на верхушке

зато не парятся, придумывают все новые и новые игры лишь бы защитить свои капиталы, и, черт с ними, с проигравшими, жертвы – привычное дело. Многие говорят себе, что если станут богатыми, то распорядятся деньгами с умом, однако, правительство дозволило каждому ограниченный набор инструментов, с которыми взять от жизни свое невозможно в принципе. Даже с большими мозгами. Можно соглашаться, можно возражать, можно игнорировать, но все последствия уже спрогнозированы и предопределены, и те, кто родился на дне, тот там и останется. Мы живем, желая быть удовлетворенными жизнью, понимая, что жить на удовл. (как в зачетке) достаточно, чтобы дорожить нажитым. И мы получаем столько, сколько отмерено. Духовенство, политики, богачи якобы знают, что для нас лучше и им нет дела до угнетенных, пока не произойдет что-то трагическое. По телеку стало популярным связывать насилие с компьютерными играми. Посмотрите, что сделал Брентон Таррант в Новозеландии, говорят нам, его теракт похож на компьютерную игру, говорят нам, только закон Макрона о замещении послужил огромному количеству изнасилований и беспорядков, за которые он типо нихрена не в ответе, и об этом говорят шепотом. СМИ ведут игры с нашими мозгами, на мой взгляд, куда, более страшные, чем любая компьютерная. Сама телевизионная платформа словно бьется в конвульсиях, и из-за того, что дезинформация стала обычным явлением, только постоянные напоминания о том, что ведутся информационные

воины, не дают ей сдохнуть окончательно. Далее. В нас все сильнее укрепляется тенденция запечатлять все, что с нами происходит. Хочется понять, чем это вызвано и к чему ведет. Беря пример с медийных персон, появляется желание нести слово в массы, а не тем, кто близок. Трудиться ради малого, не столь интересно сколько ради большого, чем кажутся влияние, известность и большие гонорары. Люди отвыкают проявлять интерес или заботу без камер. Многим важно, чтобы все знали чья где какая заслуга. Люди хотят, чтоб их видели. Возможно, это единственный способ спастись от устрашающей паранойи, но теперь ведь хер поймешь, где искренность, а где игра на камеру. Пока телеперсонажи зарабатывают бабло на своей популярности, люди невидимки начинают осознавать, что только выйдя на экраны, можно получить внимание и заработать уважение. Ведь если первые хотят слышать только себя, вторые возмущаются и хотят добиться справедливости. Но кто им даст? Вместе с этим, вполне нормально думать, что на телегероев можно положиться, что все зависит от них, но они просто используют сценический образ, защищенные со всех сторон от претензий касательно их бессовестности и безответственности. Мне неприятно вещать об этом через камеру, но возмущения, вроде моих, ни на что не влияют. А для тех кто создает впечатление значительности, экран это в том числе и щит. Против системы не попрешь, сами знаете, и, думаю, у всех сформировалось примерно одинаковое представление о ней. Она, мягко го-

вора, не правомерна. Смотрите: есть немало добрых людей, которые даже и не просят о помощи, понимая, что им неоткуда ее ждать. Эти люди страдают молча, пока те, кому только Бог судья, продолжают пировать. Нет никаких стандартов зарплат, никакого прожиточного минимума, даже уверенности в том, что завтра тебя не выселят из дома – нет. Все очень неустойчиво. Люди ведь реально цапаются друг с другом из-за надежд и несоответствий между тем, что им обещают и что они получают в результате... Эдакий глобальный Парижский синдром. Далее. Я так предполагаю, карательные законы были созданы из-за страха все потерять. Заметьте, если у вас ничего нет, то и терять нечего, а если у вас усадьба с декоративным забором, то без предосторожностей не обойтись. То есть пресекается сама идея вывести кого-то на чистую воду. Нет никаких роковых ошибок, нет роковых женщин, злого рока... Есть механизмы контроля, которые еще старше, чем связная речь человека. Зная о существовании блокчейнов, не удивлюсь, если существует какой-нибудь ангар, забитый серверами, чтобы контролировать размножение денег и пополнять семейную московскую сокровищницу в автоматическом режиме. Кому мы доверили контроль над нами? В век интернета деньги делают на всем, даже из пустоты, только отдавать их не хотят. И статус столицы-музея расслабляет его гостей и жителей, перекрашивая этот мир в фальшиво яркие цвета, заставляя забыть о том что на Москву полагается вся Россия. И, конечно, когда ты знаешь о том, что про-

исходит за красивыми занавесками, последняя надежда на справедливость и объяснение всего этого дерьма остается на веру. И тут мы смотрим как живут всякие епископы, батюшки... Человеческая свобода, размерена хитросплетенными комбинациями. Миропорядок построен на эгоизме, похуизме, цинизме или еще каком -изме, на вещах, которые настолько далеки от духовного, что кажется спасения не найти нигде. Мы итак живем взаймы, а от нас требуют все больше и больше. Чтобы быть благородным человеком, надо следовать принципам справедливости, морали, честности, прощательности, долга. Правильное поведение востребованно везде. Однако, верхушка только строит из себя правильную власть в глазах народа, тогда как на самом деле у них куча темных дел. Стекло экрана, прикрывает маской доброты любого человека, хоть дебила, хоть безразличного сноба. А кого мы видим по телеку чаще всего? Добренького, внимательно-го, красиво говорящего дядьку Путина, который настолько лоялен ко всем, что, кажется, если я дам ему при встрече в ебло, он просто отшлепает меня по попке. Но это только если это произойдет при съемке, так, то существовал я или нет вообще, будет не известно. В общем, любые методы контроля, законы, не для того, чтобы поддерживать порядок, но для того, чтобы определить хаос и занять удобное положение по отношению к нему. Получившие власть творят че хотят. Нас обманывают везде. Человек не способен быть все время настороже, из-за чего он редко распознает обман. Где-то завы-

шены цены, где-то подделаны подписи, у кого-то куплен диплом или права, и т.д. Но самое обидное то, что нам приходится смиряться с обманом на государственном уровне. Ладно, пусть кто-то решил, что дворник должен получать меньше, чем раздатчик листовок, но почему кто-то владеет правом увеличивать пенсионный возраст, почему половине населения страны приходится голосовать за тех, кому им прикажут, почему, даже если мы распознаем обман, мы далеко не всегда способны даже пожаловаться на него... Трубы, понимаешь, в Турцию пускают, а в Подмоскowie нет газа. Но с той стороны экрана можно и это объяснить. Правду всегда можно исковеркать. Бессмертный полк отчетливо показывает, насколько власть запуталась в пездиже. Мы ценим и помним прошлое? Сколько можно мусолить тему того, что оно, это будущее, стало светлым? "Удвл." он и есть "удвл."... Десятки миллионов убитых... дайте им уйти с миром! Надо гордиться живыми, а не мертвыми. Серьезно, ведь пропаганда истории нужна для того, чтоб все знали какой ценой все было достигнуто или, скорее, чтобы люди считали, что память ценна в общем и целом. Нас убеждают в том, что надо знать историю, чтобы не совершать те же ошибки вновь. Но какова цена этим словам, если еще с древних времен люди, приходившие к власти, грабили население, убивали, подкупали и так далее. Как завелось, так все и повторяется. Вот я и прихожу теперь к выводу, что лицо, намалеванное красиво кричащей правдой, стремится лишь к тому, чтобы склонять

людей к преклонению перед властью нового царя, заставляя принимать новые положения вещей и помнить, помнить, накапливая воспоминания о том, как писалась история...

Что-то меня понесло. Как бы не огрести за этот антитоталитарный базар... Во, знаю:

– ...Ныне стать честным политиком очень трудно. Для того, чтобы не проиграть в политических играх, нужно очень ясное личное представление о светлых планах, огромная энергетика и непрошибаемая защита от давления соблазнов. Каждый, ответственный за правильную работу винтиков системы, обязан считаться не только с гражданами, но и с историей в целом. А история поощряет и награждает только самых дерзких, тех, кто будучи наделенным непомерным самолюбием, больше других боится забвения. В мире, наверное, есть не более пары сотен человек, в ком желание управлять и мания величия срастаются настолько незаметно и органично, что их карьера на высший пост доходит сама собой. Из-за этого очень трудно определить, порядочен тот или иной политик или нет. Однако, глядя на другие примеры для подражания, спортсменов, моделей, ученых или верующих мы видим более подходящие жизненные условия, которых у нас есть шанс добиться. Обретая определенный жизненный опыт, однажды каждый, как мне кажется, приходит к такому чувству, что у него есть нетворс. Осознав это, я теперь понимаю, что для кого-то нетворс важнее всего. Мировой беспорядок, красиво отредактированный по ТиВи и приправлен-

ный праздниками, по сути отвлекает нас от самих себя, заставляя интересоваться тем, что нас вовсе и не касается, а то, что действительно важно – скрывают.

Снято. Надо было еще добавить, что недовольные люди не удовлетворены своей жизнью. И что люди не получают то, чего хотят потому, что стремятся получить то, что актуально. То, что навязывают, внушают или рекламируют. Но это, скорее, о таких как я...

"Тук, тук, тук"

Ленка пришла. Красотуля моя. Как же она все-таки похожа на Сару Энтони из группы The letter black. Не могу отвертеться от этой мысли...

– Привет.

Привычный приветственный поцелуй... что-то я слишком много думаю.

– Привет Вов, как у тебя дела?

– Я тут видео снял в стиле влога...

– Да ладно, а как же Дота и топ ммп?

– Как? Ну без тебя уж точно никак.

Мы все свободное время убиваем на Доту. А также на секс с элементами ролевых игр. Но Дота является чем-то вроде образа жизни, а секс – он и на северном полюсе секс. Грубо говоря, я скорее могу представить себе жизнь без секса, чем без Доты, и с легкостью приму клеймо polifer'a, если придется. Общественное мнение для меня мало что значит, не больше, чем визг в свинарнике.

Говорить все это в слух не имело смысла, эти мысли словно общий фон нашего сосуществования с Леной.

Плавно от поцелуя мы перешли к постельной схватке. Битва происходила на "миддле". Я пошел пушить в чем было – никаких артефактов и только одна доступная абилка. Добившись first blood'a, я пошел похилился к фонтану и вернулся на свой line. На шестом уровне счастья мой герой – Tiny вырос в размерах, и я наверняка был бы способен даже на double kill, не будь эта битва дуэлью. В принципе, после first blood'a хочется получить wicked sick или dominating, а в идеале даже и godlike, но у меня не было денег на Vkb, и герой Лены – Лина, очень быстро выжгла у меня все Hp. Я ультанул два раза подряд и в итоге Лена сдалась.

В общем в Доте все как в жизни если немножко повоображать.

Сегодня суббота, у меня и Лены выходной, и, как всегда, остаток свободного вечера мы тратим на поход в пивной бар. Одевшись попроще, мы сели в вызванное к дому такси и, спустя десять минут, были на месте. Во время поездки никто не проронил ни слова, и я, глядя на вечернюю Москву, думал о том, как описать ее в это время суток. На ум приходили всякие образы, похожие один на другой, но общего знаменателя я найти не успел.

Войдя в бар под названием "Кружка", мы спустились в подвальное помещение и сели за столик. Прежде чем к нам подошла официант, я услышал, как пара ребят у бара в пол-

голоса произнесли:

– Сказочный долбаеб.

– Да он знает!

Оба выражения я уже слышал раньше, но по-отдельности. Сперва мне казалось, что за мной кто-то следит, что от меня хранят какой-то секрет, но потом я случайно наткнулся на актуальный фильм в котором такие взаимосвязанные явления имеют нелогичное, но теоретически объясненное место быть. Собственно после просмотра, я завел в своей голове мусорную корзину и стал сваливать в нее все непонятное и необычное.

Заплатив двойную цену за четыре кружки сладкого пива, которое нам с Ленкой так пришлось по вкусу, я попросил официантку Дашу, уже ставшую для нас старой знакомой, поставить какую-нибудь притяжеленную музыку. На весь бар заиграл Sonic syndicate и какое-то время мы с Леной сидели, просто держась за руки, глядя друг другу в глаза.

Нас прервал посетитель, подошедший к соседнему столику в момент, когда я заказывал музыку.

– Вы были на их концерте? – спросил незнакомец, снимая с плеча сумку.

– К сожалению, нет, – ответил я.

– Что, все время уходит на Доту?

– И на работу – сказал я невозмутимо, как будто вопрос про Доту был абсолютно нормальным явлением.

– Откуда он узнал? – вошла в диалог Лена.

– Не беспокойтесь, я это спрашиваю у всех, с кем знакомлюсь, – незнакомец протянул руку – меня зовут Дмитрий. Можно Дима.

– Я – Володя. Это моя жена Лена.

– Очень приятно. Разрешите?

Я подвинулся и Дима сел за стол рядом со мной, напротив моей жены. Ему было на вид лет двадцать, он был одет по новому писку моды, в худи и футболку до колен, в целом, производя впечатление отставшего в развитии подростка.

Оказалось, совсем наоборот, Дима, можно сказать, был прогрессивнее большинства.

– Я профессиональный Дотер. Несколько лет тому назад выиграл с командой Нави чемпионат. Теперь вот тренирую новичков. А вы чем живете?

– Я художник-мультипликатор, – ответил я – Рисую разные мангу, аниме. Все в этом духе.

– А я так на работах однодневках подрабатываю, – сказала Лена – ну и по дому хозяйство веду.

– Может, обменяемся телефонами, я мог бы поднатаскать вас в Доте, – спросил Дима, подняв кверху подбородок и брови.

Пока мы с Леной многозначительно смотрели друг на друга, со стороны бара вновь послышалась резкая фраза.

– А, может, его уже вышлют?

Вдумчивое молчание, впитывавшее в себя крики и рев гитар группы Sonic Syndicate, было прервано Лениным отве-

ТОМ:

– Почему бы и нет.

– Записывайте.

Продиктовав номер телефона, Дима поинтересовался, какими судьбами мы забрели в эту пивнушку и, заказав себе эля, повел рассказ о том, как хреново в России с киберспортом. Как оказалось, конкретно в нашей стране не умеют создавать и раскручивать звезд даже и из топовых игроков, а сама индустрия компьютерных игр еще не до конца сформировала систему заработка на этих самых звездах. Игровая индустрия интересна далеко не всем членам общества. Бытует мнение, что игры делают людей агрессивными, асоциальными, депрессивно-маниакальными (или что-там еще говорят об игроках) в то время, как и без игр многие способны на агрессию, даже не разу в жизни не пообщавшись с компьютером. Но главная проблема даже не этот стереотип, а то, что киберспортсмены не создают впечатление полноценных личностей, за жизнью и играми которых интересно наблюдать. Дота вылезла из андерграунда всего несколько лет назад после выхода продолжения, созданного студией Valve, зарекомендовав себя одной из самых популярных ныне игр. Но даже из тех многомиллионных масс, которые на ней сидят – мало наблюдателей. Почти все, больше предпочитают участвовать непосредственно сами, ведь доступ к полю битвы всегда доступен....

Подходя в своем рассказе к финальной черте, Дима рас-

сказывал о том, что, к сожалению, кадры из обычного спорта не подходят в кибердисциплинах – в компьютерных играх нужны люди отдельных профилей.

– Да уж, печальная ситуация... – произнес я довольно-таки устало. (Ведь слушать про игровую индустрию не так весело, как играть), – но, знаешь, давай обсудим это в другой раз, я думаю, нам пора идти.

– Конечно, – вздрогнув плечами сказал Дима – можем даже порубить вместе. У меня есть лишний аккаунт с высоким ммр. Звоните.

– До встречи. – сказал я и Ленка тоже попрощалась, помахав рукой.

В прощальном рукопожатии, было, на мой взгляд, черезчур уж крепким, мы были знакомы всего около часа, а Дима уже всеми возможными жестами выказал чрезмерное, незаслуженное ничем уважение.

Было в Диме что-то очень знакомое, родное даже что-ли, но я так и не уловил – что.

По приезду домой, после постельной сцены, я перешел на компьютерную, оставив Лену за просмотром adultswim. Написав сообщение Диме, я получил в ответ логин и пароль от обещанного аккаунта и решил покатать в одиночку.

Мне на рандоме попался Лекантроп. Так же у меня в команде был Пудж и три мага, что по идее гарантировало нам быстрый пуш. Однако, как это часто бывает, Пудж у моего союзника был не особо активный и мы остались без танка.

Мне вообще не везло на Пуджей, почему-то каждый раз, когда он появлялся в команде противника, им играл какой-то папка, который всех выносил. В моей команде, тем временем, он всегда сливался.

После решающей битвы, во время нашего дефенда на миддле, на меня начал бычить один из противников, стандартно обзываясь имбецилом, аутистом и дцп.

– Надеюсь, твои дети и внуки родились без рук, старпер. Им, как и тебе, не место в Доте, – писал некто Кекьер в чате, и это выражение меня сильно задело. Не знаю точно почему, может, я просто не хотел портить статистику аккаунта Димы...

Я продиктовал свой номер Skype, сказав, чтобы он позвонил, если действительно такой крутой и стал ждать. До этого мне уже встречались такие конфликты, но меня они никогда не касались, и я их просто игнорировал, считая, что я выше этого. В этот раз конфликт, так сказать, пришелся в пору, я отреагировал на оскорбления совершенно автоматически, словно ответив на атаку.

Прозвенел звонок Skype'а.

– О! Кого мы тут видим... – сказала щуплая, наглая морда с той стороны экрана – никак наш постаревший эмо кид. Мне тебе, пидору, и сказать то нечего.

– За пидора то ответишь, хуйло тупое? – не без злости в голосе спросил я.

– Да кто из-за Доты руки марать будет? Знаешь, сколько

таких дебилов, как ты, в инете сидит? Ты просто официально послан на хуй, вот и все.

Самодовольная улыбка этого Кекьера вызвала у меня сильное раздражение, но, в тоже время, дала кое-что понять. Меня заебала Дота. Прямо сразу, вот сейчас, в этот самый момент.

– Пора уходить из этой конченной игры.

– Что ты сказал? – спросил Кекьер, убирая палец от кнопки завершения диалога.

– Че слышал! Надоело играть с такими ебланами, как ты. Все, адъез, уроды.

Я попытался повесить трубку, но кнопка не срабатывала. Вдруг оказалось, что компьютер завис, а скайп непонятным образом продолжает работать. От этого "конфликтора" я услышал еще одну фразу после чего в моем компьютере что-то звучно треснуло.

– Нет уж, далеко ты не уйдешь – с выражением некоего коварства произнес Кекьер, и я дрогнул всем телом от непонятного звука.

Не похоже, что звук шел из колонок. Я нагнулся к системному блоку и увидел, как изнутри него идет дым. Ошарашенный, я промедлил, но через несколько мгновений сорвался с места и побежал на кухню за водой. Электрический чайник был пуст и мне пришлось наполнить его водой, так что, когда я вернулся в комнату, уже начался полноценный пожар. Лена, заснувшая за просмотром взрослых мультиков, просну-

лась от дыма и, резко вскочив, прибежала посмотреть, что стряслось.

– Вызывай пожарных, – сказала она, глядя на расплзавшиеся по стене языки пламени.

– Нет, сначала заберем все ценное и выйдем на улицу, бери кошельки и документы, и на выход, – ответил я – давай бегом.

Выйдя во дворик, я рассказал о том, как все произошло, и мы какое-то время стояли рядом с подъездом, расстроенные не столько потерей вещей, сколько тем, что пожар произошел из-за какой-то сраной игры. (Или как еще можно объяснить возникновение возгорания?) Мне хотелось думать, что возгорания или подобные тому происшествия, так или иначе имеют место быть, но напрашивалось какое-то подозрение.

– Я пойду предупрежу соседей, на всякий случай, – сказала Лена и вошла обратно в подъезд.

– Давай, – сказал я и остался смотреть на полыхавшее огнем окно второго этажа.

Все-таки что-то странное происходит с этим миром. Думал я в тот момент, когда у меня за спиной, скрипнув колесами, остановилась машина. Рефлекторно, я на мгновение обернулся и тут же продолжил смотреть в сторону полыхающего огнем окна.

Несколько длинных мгновений тишины разбавились размеренными шагами вышедшего из машины человека. Внезапно свет всех фонарей, стоявших в ряд около подъездов

моего дома, погас, и я почувствовал тяжесть от удара в затылок. Потеряв равновесие, я упал на землю и, спустя пару секунд, попытался открыть глаза, возмущенный на уровне: "Какого хрена происходит !?!"

Последнее что я увидел – ослепительная вспышка из устройства, похожего на старый фотоаппарат.

Последнее что я услышал было – "тебя переводят".

Глава вторая.

Join the scene.

Что не так с этим миром?

Мне не часто приходится задаваться серьезными вопросами, но этот навещает мою голову уже не в первый раз. Как можно вести войны, конфликтовать из-за каких-то не пойми кому нужных санкций, зомбировать человечество обещаниями и при всем при этом пытаться выглядеть честными в глазах своего народа? Американцы... мне их никогда не понять. Да и украинцы, забывшие о временах, когда мы были братьями, но в тоже время напоминающие нам о какой-то измене – никуда не годятся. Никогда не любила уроки истории именно из-за таких вредных знатоков в телике.

Мда, как это шоу может нравиться деду?

Ну ладно, приехала навестить, так радуй хоть присутствием раз уж сказать нечего.

– Деда, слушай, а эта болтовня, эти люди, они вообще влияют на что-нибудь? – вопрос выскочил как-то неожиданно сам собой.

– Да как сказать... Возможно быть в курсе полезно большим бизнесменам, но и то вряд ли. Они верещат так, к сведению.

По лицу моего старика невозможно было сказать одобряет он это или нет.

– Но они же верещат часами, – надеюсь, он не примерит это замечание на себя.

– Да, но как ты могла заметить, они все уже в годах и при этом очень грамотные. А хорошо сидят те, кто красиво пиздят.

Дед меня немного ошарашил таким выражением, но, глянув на коротающую время с sudoku бабушку, которая сделала вид что не услышала матерок, я нашла еще один интересный вопрос.

– Деда, а ты бы нашел что им сказать? – вопрос явно заставил дедушку напрячься, он выключил на телевизоре звук.

– Ты знаешь, я за свою жизнь понял немало, но отдельно понимание ничего не стоит. Ну болтают они всякую политическую хрень и пусть болтают, если им от этого легче. Что им не скажи, легче от этого никому не станет. Меня лично греет совсем другое.

Многозначительное молчание создало впечатление, как будто я перевариваю ответ деда, хотя я рассчитывала что он продолжит.

– И что это? – спросила я, и почувствовала, как мое любопытство оттесняет время в этом промежутке диалога. Слов-

но дед сейчас откроет мне что-то вечное, что-то прекрасное.

– Безмятежность. Все идет своим чередом даже после всего что я испытал. Даже после того, как я ушел на пенсию, я по-прежнему кому-то нужен. Последние годы, когда я работал, я чувствовал незначительность сути. Как бы все, что происходило, казалось бессмысленным, не существенным. Пока я не ушел с работы я не мог прочувствовать то, что скрывалось под информацией. Все, чем я интересовался, приелось, и я почувствовал, что что-то упускаю. Я увидел, что находилось под поверхностью, и теперь я наблюдаю. что я не один. То есть я, конечно, и раньше это знал, моя жена, твой отец, ты, вы все в моем сердце, но только недавно я понял, как глубоко вы в нем разместились. Наша семья, все что у нас есть, но это нужно понимать не только головой. Я иногда отодвигаю все в сторону и просто наслаждаюсь своим счастьем. Теми многочисленными фактами, которые говорят, что я прожил жизнь не зря.

– Деда, как это мило, мы все тебя очень любим.

– Скажу тебе вот что. Правительство нас третирует, а мы ничего не можем сделать. Наше недовольство никому не интересно. Оно не имеет значения. Власть опьяняет, мелочи ни на что не влияют. Да, мелочи достаются нам – простым людям, нам приходится ими размениваться, но посмотри, как богачам приходится суетиться, чтобы выглядеть важными персонами. Глядя на то, как изощряются все эти болтуны, я глубоко внутри хохочу.

– То есть над иронией... Типа, они пустой звук...

– Да... Знаешь, говорят, что в наше время информация дорого стоит. Что тот, кто осведомлен, тот и вооружен. В мире сейчас ведут информационную войну, игнорируя тех, на кого не действует гипноз. Так вот, самые опасные люди – это идеологи. Только в наш век, человек сидя дома может оказывать давление и воздействовать на массы, просто придумав хитрую схему. С грамотным подходом можно обмануть кого угодно, люди сами по себе очень доверчивы. Все эти политологи, политики, прочие балаболы стучаться в мозг, а там и до сердца не далеко. Меня в этой программе интересует только уровень оборотов – сила воздействия и резонанс, который вызывает их болтовня. Человеческое уважение завоевать не сложно, нужны лишь философия и грамотный, иногда индивидуальный подход. Занятно смотреть как они языки вертят.

– Ты у них учишься? – получилось, как утверждение.

– Да брось, разве мне нужно к кому втираться в доверие?... Нет, скорее, просто отвлекаюсь от самокопания. Я ведь так долго не мог увидеть, или почувствовать того счастья, которое все время было со мною.

– Я поняла. тебя гложут упущенные возможности.

Перед ответом дед печально вздохнул.

– Да понимаешь, нас приучают быть самодостаточными, самостоятельными, самонадеянными и самолюбивыми. А самобытность такого типа в итоге вредит нам, существам со-

циальным, тем, кто ищет родственные души. А кто может быть ближе, чем кровь от крови... Эм... твоей?

– Никто.

– Никто. Но с родными важно поддерживать отношения, а говорить зачастую нечем из-за гор хлама, наваленного над семейными сопереживаниями. По телевизору говорят обо всем и так много, что такое чувство, будто за нас уже все сказано. Некоторые люди затыкаются на всю жизнь понимая это, а другие находят способ, чтобы расквитаться с системой. Эти, другие, которых меньшинство, находят способ проявить себя, обойдя систему контроля, либо идя на преступление, либо на подвиг, чтобы всю жизнь оставаться независимыми. Но жизнь отдельного человека ничего не стоит, хотя и человеческая жизнь провозглашается как самая важная ценность человечества. Откровенно говоря, либо ты доволен всем и имеешь то, что имеешь, либо хочешь большего и ищешь способ что-то с кого-то поиметь. Вот и остается только выбрать из двух фактически одинаковых зол и надеяться на удачу. Но, в любом случае, собственная жизнь всегда ищет больше комфорта, чем готова дать другим, а тот человек, который готов остаться с тобой на всю жизнь, должен понимать это. А я вот это понял недавно.

Бедный деда. Он всю жизнь был трудоголиком, а теперь думает, что всего сделанного было мало.

– Нужно быть жертвенным.

Ну вот и бабушка слово вставила. Как-то она это осужда-

юще произнесла, скорее не мне в нравоучение, а деду в укор. Надо проигнорить ее, а то еще наговорит всякого.

– Дедуль, а ты в это, ну, в загробную жизнь веришь?

– Ой, Валюш, я точно знаю, что Бога нет. Брось, какой рай, какой ад, когда каждый день встречаешь суровую реальность лицом к лицу. Когда каждый день одно и то же. Есть такое выражение – на все воля Божья. Наверное, самое нелепое религиозное выражение...

– Почему? – мне это выражение кажется ничем не глупее всех других религиозных догм, но всё-таки...

– Да возьми, например, войну в Чечне. Когда фугас отрывает голову и прочие части тела, одного из твоих друзей на твоих глазах, а потом, в вперемешку с чужими конечностями, их отправляют грузом двести твоим родным, ты вряд ли скажешь, что на все воля Божья. Если б Бог был, он нас бы не оставлял никогда. Нам бы не нужна была бы сила, чтобы защищать Родину.

– Стоп, а ты воевал там?

– Нет, но мне так рассказывали. Ну ладно, давай возьмем ближе. Адам и Ева. Жили они значит себе в раю. Хрен знает зачем в этом раю Бог поместил древо познания, но это еще ладно. Откуда там взялся Змей-искуситель, иначе – дьявол и почему Бог не предупредил о том, что его стоит опасаться? В этой истории больше хочется верить в то, что Богу не над кем было больше поиздеваться, чем в то, что он желал истинного счастья своим созданиям.

От деда повеяло цинизмом, но я прекрасно его понимала. Мне давно стало ясно, что религия скорее способ поддержки отчаявшихся, чем объяснение непонятного.

– Да и конечно, я могу быть не прав, – продолжил дедушка – но мои рассуждения не лишены логики, а в религии вообще все построено на деталях, вот и думай, что несет больше истины: догмы, не подлежащие оспариванию, или практическая логика обычного смертного, спешащего пожить на этом мире. Думаю, я за логику, она в отдельности не эксплуатируется для заработка, как эксплуатируют религию разодетые в дорогие шмотки церковнослужители, разъезжающие на мерседесах.

В дискуссию вновь вклинилась бабушка:

– Религия – это, как всем известно, опиум для народа. Только это далеко не единственный наркотик, от которого мы зависим, а любая зависимость – это трата времени впустую, – бабуля отложила sudoku в сторону и, примерив на себя важный взгляд, продолжила – знаешь, твой дед много говорит о счастье, а счастье, по сути, только либо у тех, у кого все есть, либо у тех кому, ничего не надо. То-есть, даже если у них ничего нет. Ну и вот мне кажется, что пока тебе чего-то хочется, ты живешь. Но пока ты стремишься к цели, время летит незаметно, ты не успеваешь насладиться тем, что у тебя есть в полной мере. Поэтому, иногда нужно менять направление, менять цели, как бы они тебя не манили.

– Или просто остановиться – подметил дедушка – Езжай,

доча, уже восьмой час. Оставь скучных стариков разлагаться.

Я хотела как-нибудь возразить, но не успела, бабушка заговорила первой.

– И еще тебе совет. Скорее, даже напутствие. Не хвататься за престиж. Дорогая жизнь сильно переоценена, и не дает взамен столько, сколько стоит. Если твой молодой человек любит тебя, он увезет тебя подальше из этого меланхолического города, – бабушка и дед вслед за друг другом поднялись с кресел. – Да сиди уж, – бабуля махнула деду рукой – сама пойду провожу.

Я взяла бабушкины слова на заметку.

– Пока, дедуль – сказала я, обняв дедушку.

– Пока, доча.

– Еще как-нибудь заеду навестить. Пока, бабуль.

– Пока, девочка моя.

Сев в такси, пойманное с помощью приложения Uber, я поехала домой в другой конец города, размышляя о старости. Принято говорить, что старость не в радость, но, глядя на моих стариков, можно усомниться в этом утверждении. Вообще, есть же вот старики, которые не утрачивают силу духа в своем возрасте. Смотришь на них и думаешь, что в их жизни может быть интересного? А стоит только с ними поговорить, и сама радуешься заодно, даже над всякими глупостями. Притом в пожилом возрасте люди как-то преображаются – становятся вежливыми и мудрыми. Не знаю, может быть в старости появляется потребность делиться своим

опытом, чем-то добрым и светлым, но я явно останусь такой же оторвой до конца своих дней.

И чем я буду жить, когда стану старой и некрасивой?

Эх, понятия не имею, но шоппинг и влог, точно утратят для меня свою важность. Буду, бля, сидеть у подъезда, кормить птичек и здороваться со всеми соседями.

А если серьезно, то, наверное, я тоже стану бабушкой и буду сидеть со своим дедушкой, кем-то вроде Вуфа и ждать приезда своих отпрысков. Дедушка Вуф, ахххаааха!

Честно, не могу себе представить! Он такой типа: Бантик иди сюда у меня спину заломило, помажь мазью. А я ему, ковыляя с палочкой: иду, иду Вуфчанский, несу, несу Вуфчанский.

Да, жесь. Сколько ж это сил надо, чтобы, разваливаясь по частям день за днем, да еще и в ожидании приближающейся смерти, не терять самообладания. Собственно, Вуф недавно сделал для меня предложение... После конфликта правда... Мы, конечно, не часто ругаемся, но, я думаю, что знаю...

– Приехали.

– Ага, всего доброго,– я, как всегда, немногословна с таксистами.

Думаю, что знаю, как проверить его.

Так, ключи, ключики. Дверь. Лестница. Дверь. Вот я и дома.

– Вуф, я пришла!

Валяется, телек смотрит, бездельник, ща я его напрягу.

– Вууф!

Блин, да он еще и спит, совсем на работе измотался, бедненький.

– Вуфчанский! Я вернулась.

– Привет, ну и как съездила?

– Все живы- здоровы. По сути, они меня типа согрели, обогрели и я очень рада, что они пока еще со мной.

– Ух ты. Ты прям как на камеру говоришь. Кстати, я очень устал и хочу спать.

– А по-моему, ты дуешься. За что можно узнать?

– Нет, не дуюсь, серьезно тупо хочу поспать.

Ну на один вопрос у него сил должно хватить.

– Вуф, я хочу переселиться. Заберешь меня?

– Куда? Зачем?

– Помнишь мой влог с Шири-ланки? Я хочу себе вид на море, как у того храма, который я посетила.

– Забей. Не тупи.

– В смысле не тупи? Хочешь сказать я тупая?

– Вовсе нет...

– Слушай я хочу быть предельно понятной. Если хочешь жениться, увези меня за границу.

– Не гони никуда мы не поедем.

Наглец! Еще и отвернулся.

– Вуф, я серьезно.

– Я тоже. Ты недалновидна. Нам будет тяжело за границей. Кем там работать вообще не представляю, тем бо-

лее я человек творческий и у меня все возможности здесь в Москве.

– То есть, ты не хочешь?

– Мне хорошо с тобой, но за границу – вообще не вариант. А если тебе захочется вновь переехать? Раз ты у нас интерзвезда, то что, я должен буду тебе во всем потакать? Так ты представляешь наш брак?

– Значит, нет?

– Нет, и все, спокойной ночи.

Козел.

– Раз так, то собирай завтра шмотки и до свиданья.

– Что, вот так раз и все? Тебе нужен я или заграница?

– А тебе – я или Москва? Я поставила всего одно условие, а ты залупился будто, не знаю ... тебе насрать! Сваливай отсюда, чтоб через десять минут тебя тут не было.

– Ну и иди ты, овца паршивая.

Вот и пусть убирается, тоже мне муж, ничего даже отвечать не буду, пусть чувствует себя победителем. Пойду прииму ванну, да полежу подольше. Вылезу как раз к его уходу, так сказать очистившейся. Все, забыли о Вуфе, больше о нем даже думать не буду, не то что вспоминать. У меня нет времени на сожаленья. Несмотря на такой резкий и печальный конец наших отношений, мне кажется, я получила взамен равнозначную отдачу. Мне кажется, я знаю: что не так с нашим миром. Бабушка сказала, надо быть жертвенным, а в наш век вообще трудно представить, чтобы человек пожерт-

вовал своим статусом и, разменяв квартиру в Москве, уехал бы жить куда – ни будь на север в деревню, и мог бы жить только на поддержании семейного очага. Все из-за того, что люди все больше заботятся о своем статусе, о своей репутации, имидже... такая чушь! Реально, но чушь, которая не делает людей ни на йоту ближе друг другу, это чушь, которая повсюду. И, кстати, о птичках, мне тут в ленту пришло...

"Пока человек живет тихо и спокойно, никому не мешая, всем все равно; когда человек живет тихо и спокойно, хоть в чем-то помогая обществу, его любят; а когда человек живет громко и вызывающе, мешая одним и помогая другим, каждый смотрит на него по-своему. Жаль, что мы живем в век, в котором великим может стать только человек третьего типа."

Глава 3.

Exile.

Первое, что я почувствовал, когда очнулся, было ощущение полета. За этим последовал град ушибов. Яркое солнце ослепило глаза, когда я их открыл, тут же понял, что только что упал с лестницы, подмяв под собой велосипед, на котором хотел совершить прыжок.

На меня смотрело несколько ребят, сидевших на ступеньках, посреди огромной площади, полной людей. Они смеялись, глядя на меня.

– Где я? – спросил я их поднимаясь на ноги.

Увидев свои зататуированные руки, я обомлел.

– Кто я? – был мой второй вопрос.

– Колян, ты че? – спросил один.

– Че с ним? – спросил другой

Я взялся за голову и, в полуприсяде заходя из стороны в сторону, начал сокрушенно бормотать: "Ребята, ребята, ребята"

– Что с тобой, Колян? – спросил незнакомый паренек.

– У тебя опыт внедрения? – спросил еще один.

Я, только сейчас поняв, что я для них некий Коля, сорвался с места и побежал за угол старинного здания, стоящего во главе площади. На углу несколько человек стояли, слушая гитару. Я, неожиданно выхватив инструмент из рук игравшего, под всеобщее одобрение, взял баре на пятом ладу. Определив тем самым что мои способности меня не покинут, я успокоился, отдал гитару обратно и направился дальше.

Кинув взгляд на небо, я увидел осенний листопад, вьющийся спиралью вокруг солнца. Это явление почему-то напомнило мне о средневековье; в это же мгновение кто-то схватил меня за руку.

– Ты истинный испанец, судя по этой татуировке.

Взглянув на надпись от локтя до запястья, которое схватил, как я решил какой-то конкистадор, я прочитал латинскую фразу: "Зло везде"

– Мы построим этот храм заново, – сказал испанец и повернулся в сторону строящегося здания – недостроенной копии того, что стояло рядом – Ты поможешь мне сделать Ис-

панию великой вновь!

Это восклицание из его уст было подпитано резко напрягшейся атмосферой темнеющего неба. И я поспешил, вырвав сжатую руку, удалиться. Напоследок я крикнул:

– Просто повесьте на старое здание новую табличку.

Появившийся на пути переход оказался пустым. Он привел меня в метро, где по дороге к вагону меня перехватил какой-то китаец. Он говорил на своем родном языке и, к моему удивлению, я его понимал.

– Я помогу вам сделать рекламу – сказал я в ответ на очередное выражение китайца и взял протянутый им косяк.

Затянувшись анашой, я почувствовал небывалое вдохновение и, сделав еще несколько шагов, оказался перед створчатой дверью вагона, которая вела в подвал. Подвал был ярко освещен, словно это была какая-то студия. Три дополнительных китайца следили за моими действиями. Я встал к одной из освещенных стен и произнес:

– Надежность и удобство путешествий в компании с эир-трэвэл.

На пару мгновений я почувствовал необходимость говорить без остановки, но, воспротивившись, – отвлекся. За спинами китайцев просиял еще один дверной проем. Я вышел из него на улицу и оказался на рынке в толпе людей, рассматривавших полные вещей коробки. Вещи здесь не продавались, а раздавались.

В одной из коробок лежала куча женских панамок, и я по-

думал взять одну в подарок какой-нибудь девушке. Но передумал. Затем я почему-то решил, что найду свою единственную по этой панамке. Мне показалось, что для этого нужно лишь запомнить цвет панамы и цветы на ней, но словно в ответ на эту мысль, я услышал женский голос:

– Да, конечно, так и будет.

Взяв кепку из соседнего ящика, я вышел из толпы и обнаружил себя в знакомом парке. Такой же, вроде бы, был рядом с моим домом. Может это он и был, я как-то не разобрался. В моей левой руке внезапно оказалась бутылка с водой, а на ногах были одеты шорты и кеды. Я вдруг решил, что пора готовиться к какому-то забегу. Я бежал с максимальной скоростью, достаточно долго, нисколько не запыхавшись пробежал с километр, но, почему-то, мне это дело надоело, и я перешел на шаг.

– Что его не устраивает? – услышал я далекий тихий голос.

Проигнорировав этот голос, я сделал очередной шаг и увяз. Наклонившись, я поднял комок земли, которая оказалась густой как каша и, словно недопонимая, что это за субстанция, начал мять ее. В нескольких метрах от меня залаяла собака. Она была на поводке у человека, одетого в устаревшую военную форму, что обозначило для меня время Великой Отечественной войны, в которое я, похоже, перенесся.

Немедля я принялся брать высоту. Пригорок слева от меня оказался невысоким и, как я и ожидал, за ним находился

вражеский отряд. Я увидел здание с аркой, проезд в которую был перекрыт машиной, окруженной четырьмя постовыми солдатами.

Первым моим действием было нападение на ближайшего солдата сзади. Прикрывшись им, как живым щитом, я душил этого солдата, пока тот не выпустил винтовку из своих рук. Взяв оружие, я атаковал в штыковую еще одновременно троих солдат. Пара взмахов вправо и влево, и они легли замертво. Войдя в арку, я обнаружил группу пленных, охраняемых двумя вооруженными. Я решил опробовать винтовку и выстрелил. Никогда ранее не пользовавшийся оружием, я, естественно, промазал. И, к своему сожалению, попал в пленную бабульку. Солдаты сразу же повернулись в мою сторону, но не успели они поднять свое оружие, как я по очереди застрелил их обоих.

Пленные пошли на выход. Спускаясь по лестнице, они проходили мимо меня с радостными лицами. Я стоял, понурив голову, чувствуя себя виновным в убийстве старушки.

– Я тебя уже простила, – сказала одна шагавшая на выход девушка, словно подразумевая, что это сущий пустяк.

Мне этот случай пустяком не показался. Мне дико захотелось исповедоваться.

Обернувшись назад, я увидел херувима с крыльями, сидевшего на троне. Бросившись на пол, я преклонил перед ним голову и в трепете спросил:

– Что мне теперь делать?

Херувим опустив руку мне на голову молвил:

– Тяжелы дни скорби и страдания человеческого, да более будет страдать ищущий, но найдет. Но коли жаждешь сейчас, без веры, отправишься туда, где ее обрящешь, в один из кругов геенны огненной!

Мои ноги начало жечь, словно кто-то ухватил их за лодыжки раскаленными перчатками. Открыв глаза, я убрал из-под руки херувима голову, выпрямился и ударил наотмашь какого-то монстра. Увидев, как тот испарился, я встал на ноги и произнес:

– Значит, мне не нужна вера.

– С людьми пойдешь, людьми гоним будешь – произнес херувим и, подпрыгнув, взлетел вертикально вверх.

После раскрывшегося неба, херувим исчез в сияющей светом дыре, а я остался один. Мне стало очень грустно, и материя вокруг, словно отзываясь на мое настроение, поблекла.

Я шел в неизвестном направлении среди темных зданий и переулков, постепенно редевших и становившихся темнее, пока в итоге не оказался в непроглядной темноте. Впрочем, по-прежнему ощущая почву под ногами. Вдалеке горела одна единственная крохотная точка. Я взял направление на нее.

Добравшись до точки, я обнаружил что она – фонарь на столбе, отбрасывающий свет на небольшую окружность асфальта.

Спустя несколько мгновений на свет вышел некто; стук-

нув несколько раз каблуками туфель он обратился ко мне:

– Мы вынуждены оборвать твоё путешествие.

Неизвестный был одет в классический костюм с галстуком, а на его голове была шляпа с загнутыми краями. Он был очень высок и строен, но несмотря на то, что у него было человеческое тело, у него не было лица. Собственно, первой вещью, из всего произошедшего, показавшейся мне непонятной, было то, что он умеет говорить.

– Я безликий – продолжал этот некто – я проводник в мире снов. Или, пусть тебе будет известно, в измерении Лимб. Прошу проследовать за мной.

Безликий отвел руку в сторону, показывая на из неоткуда появившуюся дверь, стоящую прямо на асфальте.

Я открыл её и увидел какой-то тоннель, освещенный до самой глубины неизвестно, как и чем. Войдя внутрь я понял, что меня засасывает. Засасывает всё сильнее с каждым новым шагом. В итоге, мои ноги повисли в воздухе, и я в полете устремился в глубь тоннеля.

Вспышка в конце заставила меня проснуться.

Когда я сделал первое движение, онемевшая спина отозвалась легким хрустом. Резко дунувший ветер, заставивший меня окончательно пробудиться, последовательно вызвал два недоумения "Почему так больно?" и "Где я?". В сумме эти два вопроса не придали никакой ясности, но явно были как-то связаны друг с другом. И единственной ло-

гикой в том, что я проснулся на обочине какой-то дороги, был вчерашний вечер. Взрыв компьютера и удар по моей голове, отозвались в моей памяти четко запечатленными картинками. А далее началось слайд шоу только что закончившегося сна. Протерев двумя пальцами глаза, словно не веря в происходящее, я тряхнул головой и встал. Вставать было больно, до того больно, что колени меня чуть не подвели. Но я все-таки встал, с некоторым облегчением и настроением что-то предпринять.

Вдоль двухполосной автомобильной дороги стояли коттеджи, огороженные разными на вкус и достаток заборами. Я направился вдоль улицы с целью согреться и поискать помощь со стороны автомобилистов и жителей этого, по всей видимости, поселка.

Кто бы это ни был, то есть виновник этой злой шутки, он наверняка имеет что-то против меня лично. Но чем я мог кому-то навредить? Я простой мультипликатор, живущий на среднячковую зарплату и временами тащущий в Дотку. Я никому не мешаю и не претендую ни на какую роль в опасных сферах бизнеса. У меня нет ни то чтобы врагов, даже и друзей – то толком нет. Может, жена причастна? Тоже не вариант. Кому могла помешать простушка – домохозяйка? Короче, дело темное, с привкусом таинственности, свойственной разве что деятельности детектива, ищущего логику в работе маньяка.

По серой беспросветной пелене небосвода нельзя было

догадаться – утро было или день двигался к вечеру, но, так или иначе, было подозрительно безлюдно. Я уже было соби-рался позвонить в дверь первого попавшегося коттеджа, но, наконец, на дороге появилась машина и мое внимание переключилось на нее. Я подготовил просьбу подбросить до го-рода и вытянул руку в позе голосующего. Подъехавший лек-сус проехал мимо, но все же остановился в нескольких мет-рах от меня. Из его двери вышел приветливой наружности водитель...

– Здарова, ты не мог бы подвезти...-говорил я, пока води-тель шел ко мне навстречу, пока он не взял меня за воротник обеими руками.

– Какого хрена ты тут делаешь? – спросил водитель с пере-косившимся от злости лицом, – Тварь да я тебя прямо здесь закопаю!

Занервничав от перепуга, я еле нашел слова:

– Да в чем я виноват то? Я очнулся сегодня у дороги. И откуда ты вообще знаешь меня?

– Вова не дури – руки водилы сильнее сжали мой ворот-ник – Я, по – твоему, похож на дебила? Ты сбежал? Или, мо-жет, узнав правду, перекинулся? Говори! Говори давай!

– Я не понимаю, о чем ты! Пусти!

– Не хочешь говорить? Ща, постой, я дам тебе повод.

Оказавшийся не столь уж и доброжелательным, водитель, отошел в сторону. Смачно схаркнув пару раз под ноги, по-казывая тем самым свое отношение к делу, он позвонил по

телефону.

– Хай дворник. Слушай, тут такое дело... Еду я себе до-
мой, а у дороги Вова Крэйсид голосует. Че за явление такое?
Да, он. И я без понятия. Может, ментам его? Да, тогда не ва-
риант. И че делать? Чееего? Поднять? Научить?! Ты же зна-
ешь, сколько одна его мечта стоит! Как что? Мне бы на свои
накопить. Пф! Ага, ты сам-то в это веришь? Все, хватит, по-
ка я жив, в нашем городе он ничего не добьётся. Передай
новость нашим и, если, – водила начал медленно разжевы-
вать – хоть одна тварь протянет ему руку помощи, я лично
ее отрублю. Понял? Пока.

Закончив разговор, водила сел обратно в машину. Чуть
проехав он остановился и выкрикнул в приоткрытую дверь:

– Мне насрать, куда ты отправишься, но в город лучше не
суйся!

– Что за город то? – спросил я.

– Таганрог, дятел, Таганрог! – выкрикнув ответ, водила
с приглушенным стуком захлопнул дверь, как бы поставив
точку.

Машина тронулась и унеслась прочь.

Морально убежденный в том, что я дятел, я сел на скамью
рядом с очередным коттеджем и погрузился в свое недопо-
нимание ситуации. Пока я анализировал слова водилы-вер-
зины, проехало с десятков машин в обе стороны. Зажглись
фонарные столбы. Наступил вечер, предвещавший одино-
кую, холодную ночь. Подступили жажда и голод. Пришло же-

лание опорожниться и, как на зло, не было ни кустов ни деревьев с листьями. Позвонив в ближайшую калитку, я представился хозяину коттеджа родственником его соседки (-Ах, Ирины Константиновны?; – Да, да.) и, в связи с загрязнившимся биотуалетом, напросился, так сказать, на вынужденный визит. Сделав дело, я заодно выяснил, где расположен ближайший вокзал и, распрощавшись, направился на северо-восток.

Что, интересно, значат слова "поднять и научить"? Обычно так говорят, когда хотят подтянуть кого-то в определенное наделенное влиянием общество... Еще тут пахло какой-то тайной бытия, или таинством бытия, я не особо в этом разбираюсь. Куда мне там до высших сфер и секретов вселенной? Мне достаточно фактов вроде таких как: "найт-сталкер рвет в дуэли рикимару" или типа "паладин и деснайт беспроегрышная комбинация для Пвп". Я доволен этими мелочами. Я этим живу. Я маленький, невзрачный человек в этом огромном мире. Моя жизнь настолько же незначительна, насколько бесконечно малое в сравнении с бесконечно большим. Конечно, не секрет ни для кого, что в определенных кругах крутятся большие деньги и кто-то выкарабкивается даже из трясучих болот, достигая в последствии огромных высот, но чтобы я, вдруг, получил какую-то роль в этом "большом театре" – невообразимо. А раз меня не убили, а как было сказано перед отключкой (только сейчас вспомнил) "перевели", значит, на меня возлагают определенные надеж-

ды. Однако, судя по всему, я просто превращусь в бомжа, если не доберусь до дома, до моей Леночки. Во всяком случае, без поддержки со стороны, мне делать здесь нечего, а, по словам водилы, ее и не будет. Или я чего-то не допираю, или меня просто кинули здесь помирать. Хотя разве может быть такое, чтобы мне не дали вернуться в Москву?

С такими очень замороченными вопросами я шел по ночным дорогам Таганрогского пригорода. Сперва я рассуждал, а, позднее, стал попросту злиться. Что это за порядок такой в стране, где вот так просто могут взять, да украсть кого угодно и выкинуть у дороги? Эта злость спроецировалась изнутри на внешний мир. Меня бесила дорога, фонари, заборы, все бесило. Даже полная луна, решившая составить мне компанию, со всей своей мистической значимостью, казалась чем-то пустым и банальным.

Я чувствовал, что прикоснулся к чему-то из ряда вон выходящему, но мир которому, свойственно постоянное беспокойство, не придав произошедшему со мной значения, свидетельствовал об обратном.

И это тоже бесило.

Кому бы я ни насолил, и какую-бы правду я еще не постиг, я равнодушно отношусь и к втаптыванию в грязь, и к возвышению над ней, по крайней мере до тех пор, пока меня самого не коснется один из этих двух пунктов. Я умею подстраиваться, и убежденность в неустойчивости всего сущего отличное подспорье в том, чтобы быть довольным своим про-

шлым и чихать на будущее. Пусть случившееся может даже оказаться шалостью этого Кекьера и не иметь определенного смысла, мое достоинство останется при мне...

Постепенно в своих размышлениях я приближался к примирению с самим собой.

...Ничего не поделаешь, человеческая роль в этом мире останется неизменной при любых обстоятельствах. Человек никогда не сможет найти себе истинное применение потому, что истина не совместима с его природой. И какие тайны не открывай, под каким углом не смотри, все равно ничто не изменит мое несерьезное отношение, этот скептицизм, ко рвению к новым горизонтам. Со знанием того что знаю я, желание к дальнейшему развитию или стремление к новым познаниям, отторгается на принципиальном уровне. И пусть надо мной даже нависнут секреты иллюминатов, мне нет до них никакого дела, так как для меня ясно, что человеческие функции и способы воздействия идентичны и строго ограничены на любом уровне влияния. Каждый хочет быть как можно более свободным и пусть не настолько свободным, как я сейчас, но мне хорошо известна формула этого вождьленного состояния. ВОВ, Дота и Квэйк. Больше ничего и не надо для счастья. А я ведь энд-гейм хайлелвел Вова Крэйсид, лелвел сто, блять. Я андэд с имуном к страху и в следующий раз буду наготове с даггером, когда вздумаете нападать. Все – и Кекьер и верзила-водица, все, кто бы там не был, обломитесь, я еду домой.

Поднявшееся настроение было обусловлено появлением здания вокзала на горизонте. Из-за отсутствия паспорта и денег мне пришлось пролезть в дыру каменного забора, чтобы забраться на платформу. Сев на скамью, я стал ждать утра в надежде зайцем добраться до Москвы. Постепенно утомившись от пустых, повторяющихся мыслей я закинул на лавку ноги, лег и уснул.

Глава 4.

No easy way out.

– Всем хаюшки, это Бантик-бой с очередным влогом про мою жизнь. В этот раз мы поедem в Таганрог. Конечно, не секрет, что этот город включили в меню, но мало кто представляет себе тамошнее жизнеустройство. Это будет, блять, очень познавательный урок культуры.

Ну вроде так. Лучше я и не скажу. Выход на экраны эта поездка, конечно, мне не обеспечит, но другой перспективы у меня пока нет. По чуть-чуть, по чуть-чуть, я добьюсь чего-нибудь. Какая-то я разбитая этим утром. Наверное, называется расставание с Вуфом... Все. ни слова, ни мысли о нем. Говорят, от воспоминаний о расставании можно и с ума сойти. Но ничего, мне это не грозит. У меня ведь есть каша "Быстров" – быстро съел и ко всему готов.

Эх, моя татуированная жизнь. Когда ж ты мне преподнесешь сюрприз? Я конечно не часто езжу на сапсанах, но я ожидаю от тебя большего. Ладно, поела – пора на такси. То есть на вокзал.

– Итак, я выдвинулась в путь. Как вы можете заметить, я в уютном новомодном "Сапсанчике". Ехать мне предстоит семнадцать с половиной часов и, могу сказать, меня не привлекает все это время глазеть на природу, поэтому я продолжу смотреть свои пафосные сны.

Ну вот, наконец-то тронулись. Лишь бы в Таганроге не доебался какой-нибудь мудака. На окраинах наверняка сразу выкупают приезжих. Вытащу селфи – палку и сразу налетит куча "гхэкающих" дебилов...

Да, кстати, я тут накачала себе гоа-гила, надо расслабиться и вздремнуть. Может, я хоть под музыку выберусь из лабиринта.

Какого... Ах да, я в поезде. Еще не приехала. Что там было-то. Какой-то парфюм. Что-то про шкуру... А, точно! Я надела тигриную шкуру и меня обозвали шкурой года. А я ответила "самая дорогая, между прочим".

Какой бред!

Очередной провал. Очередной выкидыш, а не сон. Я – конченная, конченная лохушка и нет пути наверх. Может, я действительно такая пафосная, как обо мне говорят? Какая еще? Циничная, гордая, говнистая? Я – блондинка, идите на хер! Я вымирающий вид! Ген белых волос имеет огромный шанс испариться вовсе, но нам, блондинкам, не нужно ваше сострадание. Каждому хочется совратить, заарканить, пышную блондиночку, но это мало кому по силам. А если наша уникальность – это не преимущество, то за что, в принципе,

уважать мужиков. Какие есть преимущества у них?

Ладно, перекусила, можно и опять поспать.

Мужики блин, эти мужики...

"Остановка Южный Таганрог"

Что, что? Таганрог? Моя, что ль?

– Бабуль, сорян, Таганрог? Да?

Кивающая бабуля – значит, знающая бабуля. Скорей на выход. Скорей. Блин, даже не заметила, как уснула.

Итак я на месте...

А мужиков этих, с переоцененным чувством собственного достоинства, надо придать женской анафеме.

О чем я вообще? Злюсь че-то...

Палка, смартфон, быстрее заснять эпизод, пока поезд не отъехал.

– Вот я и приехала в Таганрог. Поспала, немного, отдохнула. Если кто-то хочет оставить комментарий к моему сну, залезайте на мою страничку в Рэнегейде. А пока мы потроллим местный колорит. Как видите, он отдыхает здесь прямо на скамейке. Эй, спящий уродец! Э... Да ладно! Стоп.

Спокойно, отойди и не вмешивайся. Просто пройди мимо, Валя, просто пройди мимо. Тебе это не к чему. Что бы тут ни делал Крэйсид, тебе это не интересно. За него могут и срок дать. А если это уже не актуально? Может, правила поменялись? Законы и суета или дерзость и приключение? Сейчас уйду и упущу шанс. Ну на что моя жизнь тянет? На надгробие мертвой грешницы? Так...

– Эй, эй проснись.

Да уж, надеюсь, твой фантом не натворит тут бед. Не ждать же конца сна.

– Эй, привет, ну что, ты как?

– А? Что? Да... я че то кимарнул. А ты кто?

– Я Валя. Валя Чирская. Бантик-бой, может, слышал, я тату – модель.

– Вова. Вова Косенко, геймер – долбоеб.

– Да уж, долбоеб, так долбоеб.

Долбоебище вселенского масштаба. И че дальше делать?

– Что?

– Да нет, ничего, я о своем, – вот тут главное не ошибиться
– Ты не знаешь где мы?

– Ну это... пригород Таганрога. А тебя тоже похитили?
Или, так сказать, перевели?

Ах, перевели... Ублюдки, они че, совсем страх потеряли? Может, получится поднасрать? Попробуем разложить пасьянс, если срастется – я стану гребаной суперновой, испепеляющей эту страну! Все, заебали.

– Короче, Вов, в Москву нам нельзя. Ты многое не знаешь, но таковы правила.

– Чьи, на хрен, правила?

– Плохо, что ты еще не в курсе.

– Так просвети меня. Присаживайся, я никуда не спешу. На меня тут уже нагнал жути один. И не подвез, и ментам не сдал, и что-то про мою мечту сказал. Я ни хрена не понимаю.

Надеюсь, здесь нет камер или жучков. Да ладно, все равно засвечусь.

– Короче, так. Я расскажу тебе кое-что подозрительно необычное. Представь себе, что мир снов – не просто наше воображение за закрытыми глазами, а реально существующее место. Конкретнее, это – черная дыра в космосе, где происходят все сны. В девяносто восьмом году изобрели устройство, способное переносить сны на экран. Затем сны стали записывать и продавать особо богатым людям. Многие сны были похожи на фильмы и, когда картинка получила нормальное разрешение, видеосны стали бизнесом. Люди стали смотреть фильмы наряду со снами, не различая их, а большинство даже и не подозревая о подмене. Но дальше – больше. При подключении некоторых людей к этому устройству иногда случался парадокс. Оказалось, что некоторые люди, их еще окрестили псиониками, способны создавать материю вокруг себя с помощью воображения, одним усилием воли. После был создан компьютер, способный замораживать эти парадоксы или реализовывать их в зависимости от решения управляющих органов, решающих одобрить или не одобрить проект. А за счет того, насколько псионик компетентен в науках, то, что он видел во сне получается прочным или нет в реальности. Постепенно люди начали вникать в ценность снов, тут то и была создана компания Ренегейд, создавшая на них монополию. Один из работников Ренегейда, бывший антифашист Вайпер, создал рейтинг

говый учет самых искусных дримеров и теперь все, кто знает, могут следить и продвигать свои мечты на сайте с закрытым доступом. Когда компания перешла в руки криминально известному скину Геношу, в Ренегейде произошли большие перемены, стычки между фашистами и антифашистами не прошли бесследно, но, в итоге, компания досталась ни тем и не другим. По сей день, уже вот около десяти лет, Ренегейд в руках у человека, известного под ником СиДью...

– А почему ты используешь ники, а не имена?

– Конфиденциальность компании. Сейчас она владеет сотней спутников, дистанционно считывающих сны людей. Сейчас все люди, и обычные, и псионики, имеют равные шансы получить инвестиции в мир своих грез. Каждая специальность, каждая профессия имеет свою специфику. Вот ты кем работал?

– Какое-то время я работал поваром, но не сложилось. Последнее время я взялся за мультипликацию.

– А ясно. Знаешь, почему повар и...

Блин, не, всего говорить нельзя, если он узнает про Рыжую, он свалит от меня.

– ... То есть я хотела сказать, что повар – это древний бред, блюда давно создаются из снов. Биологами или кем там. Только представь себе: в каком-нибудь "Метрополе" или "Национале" подают блюдо дня с пометкой "Мечта Вовы Косенко". А клиент платит за блюдо баснословные деньги, в то время, как ты только мечтаешь попробовать его.

– Прямо фетишизм.

– А то...

Вроде все гладко.

– ...Еще есть реальные уроды, которые тырят чьи-то проекты и под угрозой тюремного заключения под шумиху осуществляют их. И есть самый главный долбоеб из всех на нашей планете, у которого статус неприкосновенности и которого под страхом смерти нельзя осведомлять. Но жопа в том, что никто не знает, кто он, поэтому все боятся распространяться кому – либо.

– И чем он заслужил такой респект?

– Короче, он создал миниатюрную черную дыру в лабораторных условиях. И так ученые смогли настроить контакт с той дырищей, что во вселенной где-то висит. Теперь люди с помощью специального проецирующего лазера могут переносить свое тело в мир снов.

Как там было то? Flyback это обратный ход луча, Reconvertment это обратное преобразование, а как же назывался... Фиг с ним, зачем мне ему это сейчас объяснять...

– Мне тут снилась какая-то чушь. Бессвязная и, в тоже время, необычайно реальная. Обычно снились игры: Дота, Варик, Дьябло, Квака. А тут какой-то готический город, испанцы, китайцы, всякий бред. Да еще и какой-то хрен без лица в шляпе Майкла Джексона. И что-то там про Лимб.

– А, ну Лимб – это как раз эта черная дыра – мир снов...
Значит, его пытались определить. Актер в Лимбе – это

круто. Но почему он тогда оказался здесь?

– Ну а сам сон может что-то значить?

– Как говорил Фрейд в анекдоте: банан, доченька, может и просто так присниться.

– То есть бывает снится бесполезный бред?

– У всех есть свои фоловеры. Да и то, что ты видишь, не обязательно именно то, что потом получается на картинке. Мозг странная штука, еще не выяснили, где конкретно зарождается мысль, а уже во всю в снах разбираемся. Собственно, это наверно все, что я знаю.

– Ну, а зачем нас сюда-то закинули? Притом меня, как-то необычно, с помощью вспышки, что ль, получается.

– Да, есть такая технология, но об этом потом. Ты есть хочешь? Я лично пипец голодная.

– Не откажусь. Расскажешь заодно, почему в Москву нельзя.

– Лады, пойдем.

Удачненько. Вкусно у вас тут в Таганроге кормят, на зависть москвичам, кто б из них знал.

– Пирожок с капустой, мэн.

– Мэн?

– Да, чувак такой. Человек-пирожок.

– Так почему нельзя вернуться?

Интересно, он с ходу поймет, или, как большинство, затупит?

– Смотри. Представь себе, что у каждого человека уни-

кальное представление о реальности. Кто-то знает много о физике, кто-то о психике, кто-то шарит в политике и так далее. Так вот, в каждом городе эти представления объединены и синхронизированы строго между жителями конкретного города. Границы каждого города очерчены эмпатическими излучателями, создающими не только осознанное ощущение присутствия в том или ином населенном пункте, но и на уровне эмпатии с его населением.

– Но мы же здесь! Ничего ведь страшного не произошло...

– Нам поменяли городскую ориентацию. Когда отправляешься в другой город, она обычно меняется автоматически. Только мы не можем знать наверняка. Без согласования нашего желания с управляющим узлом, при недозволенном пересечении границы наши мозги могут просто иссохнуть.

– Типа города – это интернет порталы. Есть аккаунт, можешь зайти. Нет -нет. Так?

А он смысленный типчик, однако.

– Да. Притом на этих порталах о тебе выложено все. Что ты ешь, пьешь, куришь. О чем мечтаешь. Какая у тебя любимая марка одежды, машины или часов. Все известно на эмпатическом уровне, на уровне подсознания. Иногда даже как ты пахнешь известно за километр.

– В смысле? От меня что воняет?

– Ну так, слегка. Но не суть. Это у меня ассоциация. План есть один. Амбициозный такой планище. Но опасный. Противозаконный даже.

– Давай, говори.

– Обо всем не могу. Но я хочу, чтоб ты заделался бомжом.

Так, на недельку.

– Зачем? То есть, как нам это поможет?

Эх, мне придется многое от него скрывать.

– Я буду разъяснять тебе все по ходу дела, но по сути, я хочу переделать Таганрог.

– Да на хрен этот Таганрог, я в Москву хочу к своей Лене.

– А, девушка твоя?

– Жена.

– Давай так, ты поможешь мне, а я тебе. Неделю побудь бомжом и потом, может, у нас получится вернуться.

Эти уроды, которые его похитили, замыслили что-то грязное, ему сейчас явно не о жене надо думать.

– А ты куда?

– Я сниму себе номер и буду пытаться поправить нашу ситуацию. Не волнуйся, тебя я не брошу, мы купим все необходимое и я дам тебе денег. Еще буду к тебе приезжать каждый вечер, так, для компании. Без меня тебе не прожить. Ну?

Ну вот, задумался. Что еще можно тут предложить? Что ему можно еще открыть? Какой-нибудь намек для стимула? Может, позаигрывать? Не, не, рано. Ну че он столько думает?

– Хорошо, допустим, все это чистая правда...

Вот тебе и Крэйсид. Столько понимающе слушал и в итоге затупил.

– ... Я даже готов побомжевать. Но где гарантия, что ты не

подсадная утка и не морочишь мне голову? Если на секунду отбросить весь этот околоправдивый бред, то получается, ты просто отговариваешь меня возвращаться. И почему тебе известны все эти тайны, а мне нет?

– Это никакие не тайны, просто это информация не из тех, что распространяется в сми. Они доступны только самым известным дримерам. Тем, у кого есть потенциал, в кого можно вложить лавэшку.

– Что вложить?

– Деньги. А если хочешь убедиться в том, что нас слили ради очередной махинации, просто позвони ментам.

– И что они по-твоему скажут?

– Отправят тебя по интимному направлению.

Только бы он не назвал мое имя невзначай. Момент, однако, опасный.

– Здравствуйте. Меня зовут Владимир Косенко. Я хотел бы заявить о похищении. Меня... Да, меня перевезли в Таганрогскую область. Что значит жаль?

Ха! Ну и рожа! Горькая правда и тяжелые обстоятельства... Серьезная смесь.

– Мне тупо сказали, не расстраивайся, все будет хорошо. Успокоили, ничего не скажешь. Ладно еще момент.

Кому? Жене? Матери?

– Что? Какого хрена?

Разбила парню сердце даже не дотронувшись. Любовь не так просто сохранить, как передать, даже если о ней не надо

упоминать.

– Ну, а это, блять, что значит? Абонент больше не желает поддерживать с вами телефонную связь.

– Жене звонил?

– Да, и че за бред.

– Ты ей больше не нужен.

– В смысле?

– Ну, в том смысле, что лучше тебе держаться от нее по дальше. Ее скорее всего, так сказать, конфисковали у тебя.

Это прям фантастический триллер для него, наверное!

– Хуета какая-то. Это в голове не укладывается. Я, конечно, в курсе, что военная промышленность обладает определенными закрытыми разработками, но, чтобы творилось такое! Что еще от нас скрывают? Эликсир бессмертия? Космический корабль? Не, это из области фантастики, думают люди. А Путин тем временем уже, наверное, летает в космосе навстречу границам времени и пространства на своей дрим-машине и думает, а кто появился раньше Бог или я? Бля, ну почему, почему дно всегда глубже, чем кажется?

Ха, Путин, знал бы он...

– Х-з. Но ты не паникуй, не такое уж это и днище. Ты себе даже не представляешь конкуренцию за сны в Европе или Америке. Учитывая, что это наша разработка, можно расслабиться и смотреть на Запад, как на допотопных насекомых.

– Так у них же неконтролируемое бешенство печатного станка.

– Много ты знаешь. Нам их бабки не нужны. Финансовые и фондовые рынки – это для старперов.

– Но..

– Финансирование – не единственный способ созидания. Можно, например, хакнуть эмпа-излучатель. Ну и, по сути, это мой план.

– У тебя, типа есть связи?

– Да, нам кое-кто поможет.

– Хорошо, только я хочу, чтоб ты вечером договорила, то есть прояснила все до конца.

– Тогда выдвигаемся. Нужно найти в городе магазин и парк, а пока найдем такси.

Неплохо все вышло. Он вполне нормальный, адекватный паренек. Хоть и тридцатилетний, хоть и эмо, все равно – паренек. Знай он о своих возможностях, знай он о том сколько всего он создал, сколько денег крутится вокруг его снов... Да и о Рыжей... Хрен знает, но к чему-нибудь это привело бы. Не к новому мировому порядку, конечно, но какой-то порядок все – таки он мог бы навести. Ничего, теперь мы наведем его вместе.

– Вам куда?

– Нет, спасибо, сядем назад. Нам в центр Таганрога, в какой-нибудь парк.

– Там несколько парков.

– Неважно. Вот тебе косарь, просто отвези нас в парк. Да и по дороге зарули к торговому центру. Все, езжай. А ты, Вов,

слушай. Будешь тихо сидеть и читать книги. То, что будет вызывать сильные переживания, записывай в блокнот. Людей не бойся, будут гнать прочь – шли их в органы или скажи со мной пообщаться. Захотят познакомиться – не стесняйся, чем больше людей узнают, о том, что ты в городе, тем лучше. Ну и сортир не устраивай в парке. Есть какие-нибудь особые пожелания?

– Хочу себе огромный спиннер.

– Ха, зачем?

– Просто мой любимый супергерой – это Карлсон – покровитель бомжей. И теперь у меня есть все шансы добратся до крыши этого мира.

– Не язви, все будет нормально.

Вот он удивился бы, знай он что давно сидит на этой суперэлитной крыше. Обманутый, но неприкосновенный. Сказочный, но долбоеб.

Глава 5.

Indestructible.

Странная какая-то, эта Чирская. Зачем мне эти книги? И почему именно эти? Стивен Хоккинг, Шон Кэрролл, Ми-тио Каку... Меня даже не спросили, а я ведь не люблю читать. Знал я людей, благодарных писателям за знания и опыт, но, как по мне, существует определенный склад ума, предоставляющий возможность наполнять себя, зарекомендованной культурой, информацией. Это явно не про меня. Никогда не видел смысла в цитировании или ссылках на ка-

ких-то авторов. Смысл обременять свой мозг словами вроде: "тривиальный", "конъюнктура", "императив", "фарисейство", "дампирование", когда в жизни и без них все достаточно сложно? Меняют ли что-то прописные истины вроде "любовь слепа" или там "хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах", что-то в жизни тех, кто придает им значение? Вряд ли.

Глубокие познания нужны разве что для глубоких размышлений или жарких дискуссий. А зная, что все гениальное просто, невольно сомневаешься в ценности обладания большим умом.

Что я там рассказывал в таких случаях? Ах, да: для верующего – человек человеку брат, а для материалиста – волк. Если копнуть глубже, то, у некоторых, есть уникальные точки зрения на этот счет, но все мы, так или иначе, очень похожи. Разве что судьбы разные... Так или иначе, между людьми существует очень многогранная свобода взаимодействия и как бы мы, русские, не поносили скупость английского языка и как бы мы не гордились сравнениями его со своим языком, эта многогранность не проявляется ни за счет цитат, ни за счет словарного запаса, ни за счет каких – либо других знаний, но за счет расположения. Как пример в этом случае, мне нравится профессия аниматора.

Собственно, заняться нечем, поэтому придется читать. Так: "книга которой нет". Бла, бла, бла... Походу какое-то жизненное пособие для неудачников. Ну, посмотрим. А еще

нужно типа все записывать в блокнот. Хокейчик.

Дневник: день первый.

Случилось небольшое чудо, я начинаю свой дневник. Чудо ли то, что место действия – Таганрог, или нет, вопрос не столь существенный, сколь важно мое состояние. Мне не кажется, что мое положение плачевно, но и энтузиазм, и предвкушение лучшего, и радость тоже отсутствуют. Настроение скорей пессимистически оптимистичное, бросающее от желания заснуть до порывов зарядить забег на несколько километров. Однако, до вечерней встречи с Валею я так и просидел где-то "посередине палатки". Между ощущением пребывания в жопе и его потенциалом. У Чирской я, в первую очередь, поинтересовался о том, что это за способ перемещения такой, фотоаппаратный. Она объяснила, что существует специальный фотоаппарат со вспышкой, переносящей тело в заданную точку, называется – "дисплейсер". Единственный нюанс такого телепорта в том, что человек попадает в нужную точку только в состоянии отключки. Пока нам такой аппарат был бесполезен, поэтому мы стали говорить на другие, отвлеченные темы. Темы, раскрывающие личности друг друга, но, честно говоря, мне не хотелось признаваться Валею в том, что, как я вчера из ее слов понял, я – псионик.

Дневник: день второй.

Мне приснился старый сон о том, как Эми Линн, вокалистка группы "Эванэсенс" дает мне отпить из чаши какой-то жидкости. На этом сон и начинался, и заканчивался.

В этом сне есть, как мне кажется, какой-то смысл, по сравнению со стандартной неразберихой. В нем есть завершенная концепция. Во всяком случае, я связываю его с моим первым впечатлением о нагретом хите "Bring me to life". Помню, как я, посмотрев фильм "Сорвиголова", собираясь уходить, застыл во время титров и, полный восторга, сказал другу: "Эта группа станет очень известной". Не то чтобы я преклонялся впоследствии пред их творчеством, но в нем есть определенная составляющая эмоционального – близкого мне по духу. А, значит, есть источник, из которого я могу черпать силы.

Вспоминал себя весь день, и так и ничем не занялся, но я не могу сказать, пустая это трата времени или нет. Ведь, рано или поздно, мы все умрем и то, что казалось нам важным, редко оставалось и, в моем случае, не окажется таковым де факто для живых.

Чирская приходила лишь для того, чтобы убедиться, что у меня все в порядке. Пообещав прийти завтра пораньше, она тут же ушла.

Дневник: день третий.

Снова тот же сон с Эми Линн. Вдобавок к наличию концепции, этот сон выделяется из всех остальных каким-то персональным, личным посылом. Принято думать, что сны отражают связь с реальным миром, но этот сон сам как часть реального мира... Не знаю, как правильно выразиться, по сути я в некотором замешательстве между ценностью вымыс-

ла и ценностью реальности. Этот, пусть даже столь короткий сон, кажется более важным, чем все происходящее вокруг. Он уникален, как каждая катка в Доту, как... артефакт. И, как нечто волшебное, он притягивает к себе сильнее, чем привычные вещи. Возможно тем и интересно воображение, что оно может создавать иллюзии, влияющие на восприятие. Мое воображение всегда было скупым и без монитора с картинками я не воспринимал информацию всерьез, отвергал ее обоснованием отсутствия эмоций. Но теперь мое воображение разыгралось. Теперь, мне кажется, я начал понимать писателей. В силу того, что в реальном – немало вымысла, есть смысл играть с чужим воображением, чтобы правдоподобное становилось жизненным.

Я дал прочитать эти умозаключения Вале, и она решила показать мне сайт Рэнегейт, чтобы зайти на который, она использовала отдельный браузер, пояснив, что владелец аккаунта подписывает соглашение о неразглашении содержания сайта.

Моя прежняя жизнь не была насыщена значимыми событиями, а, увидев все великолепие моих снов, она и вовсе представилась мне бессмысленной. Судя по тому, что говорила Валя про эксклюзивные разработки, про возможность побывать в шкуре героя фильма, мгновенно осуществляющиеся проекты и т.д., человечество достигло самой важной цели – возможности мгновенно исполнять, или, может быть, красть из недостигаемого измерения мечты. Я смотрел свои

сны, чувствуя, как они вторгались в пространство моей реальности и осваивались на нем. Вот я в роли Пуджа сражаюсь в миррор матче от первого лица. Вот я, опять же в первом лице, вижу рейд на подземелье Нефариана. Есть давно забытый сон, как мой призрачный пес выпрыгнул с балкона, после чего я в погоне за ним очутился в каком-то секретном месте. Есть даже из ряда вон выходящий сон про секс с гейшей-ниндзя. Все есть, все чем я не дорожил, но чем стоило дорожить, и у всего этого куча респекта. Миллионы условных единиц респекта в виде рук-рогов, аналогов лайкам. И, конечно, комментарии. Люди, без исключения, сходились во мнении, что круче моих снов ничего нет. Тут, само собой, заиграли гордость и тщеславие, располившись еще сильнее после того, как Валя сказала – мои сны недавно были на первом месте в рейтинге Рэнегейта. Мы так же посмотрели и ее сны. У них не было такой популярности и, на исходе дня, Валя посмотрела на меня таким расстроенным взглядом, словно стеснялась своей непопулярности. В этом взгляде отразилась прямо-таки ирония жизни. И тут, будто подтверждая очевидное, Валя сказала: "Ирония жизни в автоматизме".

Дневник: день четвертый.

Встав к обеду и, как обычно, поев грибной суп в местной придорожной забегаловке, я вспомнил изречение, нет, скорее мудрость: "Когда достигнешь истинного воззрения, исчезнет разница между причинностью и следствием". Если отталкиваться от моей жизни в палатке, где не происходит

ничего значимого, то можно увидеть суть всей моей жизни. Характер всего, что со мной когда-либо происходило и мои главные качества, заключены, в монотонности. Я иногда ломал свою голову, мне не хватало какого-то объяснения почему я такой какой я есть. Мне нужно было найти смысл в происходящем вокруг. И видимо для ясности происходящего нужно было все потерять. Система ведет кропотливый отбор достойных людей и проектов и всем навязано определенное понимание происходящего... но ведь никаких закономерностей нет! Суть – она суть и есть, хотя все же кажется одна закономерность есть. Абсолютно у всех есть зависть. Глядя на успешных людей, чувствуешь себя ленивым, на удачливых – неудачником, на сильных – слабым, причем даже если это не так. Не обладая какими-то материальными ценностями или качествами, раньше или позже начинаешь комплексовать. Но, по сути, удовлетвориться жизнью вообще невозможно. Достижение заветной цели это всего лишь мгновение торжества, но и оно проходит. Мне больше по душе другая философия жизни, не та, что пропагандирует необходимость наличия или существование какой-то цели. Жизнь – это просто поход, путешествие по ориентирам отрад. И чем больше их, тем и лучше. Жаль, конечно, что, пребывая в спокойствии, особо много таких ориентиров не найдешь, но я не расположен идти на поводу у амбиций. Проявлять инициативу мне всегда казалось бессмысленным из-за моего отношения к становлению моей личности. Между

благами и принципом оставаться тем, кто я есть, я всегда выбирал и буду выбирать себя. Видимо мне свойственно быть избирательным, я клюю далеко не на каждую удочку, поэтому я такой – монотонный. И пусть жизнь любого человека состоит из конфликта понимания с его отсутствием, в моей жизни появился я, в обоих ракурсах этого конфликта.

Звучит гордо и, возможно, это тяжело для понимания, но ведь и многих гениев с их высказываниями считали когда-то шизофрениками, пока понимание не приходило. Возможно, и во мне есть гений.

Писал, писал, как вдруг вспомнилось, сон был тем же самым, что вчера и позавчера. Прибывшая к семи Валя не внесла ясность в его значение, а на Ренегейде сон и вовсе не был зарегистрирован.

Присев на лавочку в парке, который скорее напоминал дикий лес с дорожками, мы решили выпить. Пиво "Carlsberg", отдавая горькими нотками, дало почувствовать присутствие цивилизации и настроило на душевный разговор. А еще, перед тем как он раскрылся, Валя растолковала мне недопонятый нюанс. Мне было непонятно, откуда берутся рабочие на стройках и заводах и зачем работать, если все можно выудить из мира снов. Оказалось, что большинство псиоников не обладает нужными знаниями для создания предметов или материи, из-за чего их проекты кто-то дорабатывает и создает за них. Я с намеком спросил, с какой целью она купила мне учебники химии, физики, архитектуры и "вот эту заум-

ную книгу о природе энергии" и она ответила, что знает о моей исключительности, о том, что я псионик, не объяснив, впрочем, откуда у нее эта информация. Мы подошли к теме ее планов, но их суть она так и не раскрыла. Валя лишь туманно выразилась: "Скоро здесь будет оченьлюдно" и, что бы это ни значило, дискуссия резко перешла в другое русло.

Зашел разговор о том, что наиболее актуально из всего потребительского спроса на сны. Поперек моего ожидания Валя сказала, что это не техника или фильмы. Это игровые сны. Фоловеры в Рэнегейте преимущественно отдают предпочтение как раз Доте, Варику и Кваке, с той перспективой, что можно снять в аренду чей-то шифтформ или вселиться в того же Джакиро или Некролита. Валя сетовала на то, что она не любит такие игры. Для нее виртуальный мир, пустая трата реального времени. Она смотрит фильмы, слушает то, что слушают все, одевается не то чтобы с изыском, но согласно общей моде и она редко добирается до выхода из сна потому, что у нее нет личного проводника. Безликого, который, не пойми откуда, есть у меня.

Вале снится всякая ересь, из-за чего ее сны на Рэнегейте регистрируются в разделе бессмыслица, и, после этих не завершенных снов, она всякий раз оставляет за собой фантом. Фантом – это призрак, привязанный к месту, где спал человек, который появляется из-за незавершенного сна. Он оставляет сжатую о нем информацию, доступную любому, кто посетит место, где спавший проснулся. Что-то вроде

невидимого памятника.

Теоретически, Валя могла бы присоединиться к игровому комьюнити, но даже ради рейтинга, "становиться кем-то еще ей не по душе".

Эти слова вызвали некоторое беспокойство.

В какой-то момент я обратил внимание на остановившегося прохожего, которому внезапно приспичило позвонить. Как странно чувствовать паранойю, учитывая, что тебя может знать кто угодно.

Дневник: день пятый.

Меня разбудил пинок в живот. Передо мной возник какой-то гопник, наряженный в адиковский костюм. Он был не один и не один он был представителем этой одухотворенной субкультуры. Очень, сука, тяжело писать культурно, сталкиваясь с такими объектами время от времени, но все же вот что произошло. Вытолкнув меня из палатки, гопники принялись отвешивать мне пиздюлей. Сначала вперемешку с оскорблениями, а, затем, разошлись и дело пошло молча. После пары десятков ударов я отрубился. Пришел прежний сон с Эми Линн, дающей мне испить из чаши. Внезапно очнувшись ото сна, занявшего несколько секунд реального времени, я почувствовал себя бодро и поднял голову. Дальше я снова получил пиздюлей и снова отрубился. Опять приснилось тоже самое. После третьей порции пиздюлин я решил, что должен сопротивляться и начал неистово хуярить растерянных гопников. Не знаю, что со стороны было страшнее

лицезреть: бешеного облитого кровью эмора или четырех криворожих, кривоzubых "пацанчиков", но, в итоге, двое из них, получив по заслугам, капитулировали, прихватив с собой в бега еще двух оставшихся. Увидев мои побои, Чирская ничуть не удивилась и, совершенно невозмутимо, то ли подбодрила то ли подколола, сказав: "Получать пиздюли иногда полезно".

Поблагодарив ее за добрые слова, я попросил оставить меня одного.

Дневник: день шестой.

Не успев опомниться от сна, я услышал рев мотора. Выйдя из палатки, я встретил мужчину примерно моего возраста, пожелавшего мне доброго утра и пояснившего, что он привез подарки "от людей, желающих мне добра". Он привез всякие вкусности, раскладное кресло, журналы и, мать его, – гироскутер. Не вдаваясь в подробности, незнакомец, который оказался ментом, присек мое желание порадоваться и начал рассказывать о своей нелегкой доле. Он был следователем, живущим с понятиями, и его рассказ был о верности авторитетам, уважухе пацанам, восхвалении воровских принципов, про отрицалово, что-то там про аббревиатуру "Лорд" и прочее в этом духе. Мне показалось, он хочет навести меня на какую-то мысль, но я даже не стал пытаться понять, о чем речь. Пространно намекнув, что достойным мужикам полагается крыша, он начал объяснять, что хочет открыть свой бизнес и спросил о наличии у меня "интересных идей". Я ка-

кое-то время отнекивался, но потом начал думать. Первое, что пришло в голову – создать персонализированный телевизор, который показывал бы только предпочитаемое владельцем содержание. Ну, или музыкальный телевизор с сильной встроенной аудио системой. Далее пришла в голову идея создать книгу с встроенным аудио плеером, для обогащения чтения соответствующей музыкой. Потом я вспомнил о хорошем сочетании вкуса корочек черного хлеба, с мясом и предложил выпускать их отдельно от хлеба. Некоторые предложенные мной идеи (вроде таблетки заменяющей пищу) уже были изобретены, но и оригинальных идей менту было мало. Продолжая придумывать, я предположил стопроцентный вариант заработать, но и он не подошел моему собеседнику. Конкретнее, я предположил, что можно было бы создать специальный сенсорный экран, считывающий "qr коды" для получения рекламы или писем на выходе, подразумевая заменить тем самым почтовые ящики... Экраны можно было б разместить на дверях квартир или на капотах машин и, вдобавок, создать блокировку спама... Это ж сколько деревьев или, точнее, бумаги можно было б спасти... Но менту или полицейскому, или может даже теперь более актуальным стал ярлык "фараону", ничего не подходило по нраву или, может, по кошельку. Достав блок сигарет, с намекающим на вчерашнее, названием "Lucky Strike", он попросил подать еще какую-нибудь идею и, несмотря на то, что я не курю, уговорил попробовать штучку. Мне пришло в голову

название для сигарет "Ловлю момент" или просто "Момент" и еще то, что фильтр можно изначально пропитать смолой для специфики вкуса и мент, наконец, ожил. Обрадовавшись этой идее, он предложил мне денег как бы благодаря заранее, но я отказался, в связи с тем, что не хочу наживаться на смертельно опасном бизнесе, что мент рассудил, как намек на создание безвредного никотина. "Тогда уж можно создать и отбивающий желание пить алкоголь", – сказал я и мы, посмеявшись, начали потихоньку шагать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.